

ПОРТРЕТЫ ПЕРВОГО РУССКОГО АКТЕРА

Ф. Волков
Неизвестный художник
ХVIII в.
Ф. В. Волков в юности.
Миниатюра.
Государственный
театральный музей. Спб.

Перед нами два изображения человека необыкновенного, а для истории нашего театра, можно сказать, великого - «первого русского актера» Федора Григорьевича Волкова. Они, вероятно, единственно достоверные, созданные при его жизни. На первом портрете-миниатюре неизвестного художника Федор Волков очень молодой - ему около двадцати лет. На втором, принадлежащем кисти А. П. Лосенко, Федор Григорьевич изображен в зрелый период его жизни - ему тридцать три года. Он уважаемый за многие достоинства человек и недавно пожалован в дворяне (за участие в перевороте 1762 года, возведенном на престол новую императрицу Екатерину II, к которой он «входил без доклада»).

Между двумя портретами промежуток примерно десять лет. Но за это время Волков сумел преодолеть путь от купеческого отрока из провинции, увлекшегося театром начинающего любите-

ля («охотника», как называли их в XVIII веке) к зрелому мастеру, «значительнейшему актеру», слава которого «подтверждена была и иностранцами».

Волков родился в Костроме, а его актерская жизнь началась в Ярославле. Вернее сказать, что в Ярославле Волков организовал первую свою труппу, а актером он стал еще до того в Москве (точнее решил стать и пробовал свои первые силы). Здесь уместно вспомнить еще одно изображение Федора Григорьевича. Его можно считать также в немалой степени достоверным - это портрет, выгравированный одним из ближайших его друзей Е. П. Чемесовым (по «писанному Лосенко»). Под этим портретом сам гравер написал: «Федор Григорьевич Волков. Родился 1729 года февраля 9 дня, умер апреля 4 дня 1763 года»; и далее следует откровение Е. Чемесова: «Желая сохранить память сего мужа, вырезал я сие лица изображение и вручением оного Николаю Николаевичу Мотонису и Григорию Васильевичу Козицкому по завещанию его самого, любезного моего и их друга, свидетельствую искреннюю мою к ним дружбу. Евграф Чемесов».

С этого портрета на нас как будто дохнуло чем-то живым из небытия размытых контуров и исчезнувших лиц, стали вдруг как бы конкретизироваться образы людей, когда-то окружавших и близко знавших первого русского актера. А ведь именно конкретного о Волкове, точных фактов его жизни до нас дошло не так уж много.

Даже за дату его рождения шла (да и сейчас еще идет) упорная борьба. Поначалу историки удовлетворились «показанием» Евграфа Чемесова (т. е. 1729 годом). Затем были найдены некоторые документы, по которым косвенно устанавливается годом его рождения 1728-й. А когда ав-

тор данной статьи совсем подступил было к истине: нашупала путь к нахождению подлинной метрики о рождении Ф. Волкова и уже собралась заглянуть в этот архивный документ, то она не успела - накануне ее приезда Костромской областной архив сгорел почти дотла, безвозвратно унеся с собой нераскрытою тайну. Так что теперь приходится все-таки довериться близким друзьям Федора Волкова: Н. Н. Мотонису, Г. В. Козицкому, А. П. Лосенко и Е. П. Чемесову, не единожды, наверное, спрятавшим его день рождения. При этом не лишним будет вспомнить: первый биограф Ф. Г. Волкова знаменитый проповедник Н. И. Новиков замечал, что он «друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершивший великолукский, бескорыстный и любящий вспомоществовать».

И тут самое время опять взглянуть на первый портрет молодого Федора Волкова. Именно таким возвратился он в Ярославль из Москвы, где «находился в науках» с 1741 по 1748 год. Здесь, в Москве, он и подружился с «малороссийским греком» Николаем Мотонисом, ставшим впоследствии одним из уважаемых литераторов и известных переводчиков. Можно представить, как оба они - молодые, длиннокудрявые (без париков), темпераментные - жадно набрасывались на все московские зрелищные новинки, и уж тем более театральные, до которых в ту пору, заметим, москвичи были большие охотники.

Уже в 1730-е годы в первопрестольной стали появляться иногда «публичные игрища»: «Студенты Московской Академии и приказные служители на святах и масленице представляли Евдона и Берфу, Соломона и Гаера и другие тому подобные нелепицы». В июле 1731 года московские «охотники» «скомпоновали»

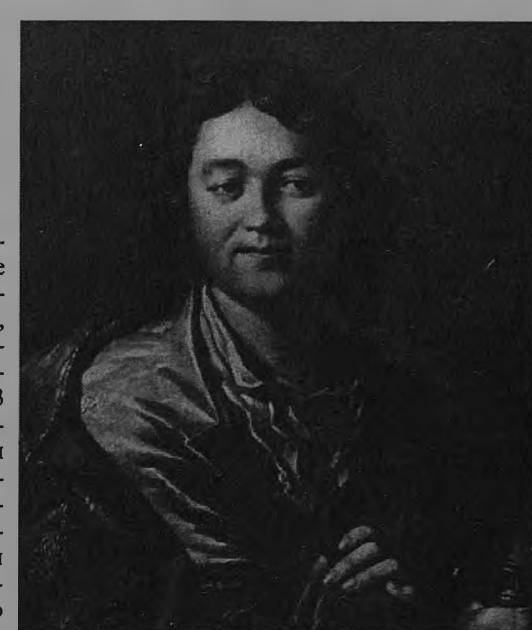
комедию «Акт о Калеандре, цесаревиче греческом, и о мужественной Неонильде, цесаревне трапезонской», которую представляли целых 3 дня. В Хлебной улице, «приходе церкви Ржевской Богоматери, что на Поварской», в своем небольшом доме показывал «охотным смотрельщикам» кукольную комедию «каметчик» Осип Якубовский, выходец из «польской земли», которого в 40-е годы сменил (после смерти отца) его сын Петр.

С 1742 года в Москве объявились «Немецкая комедия» - постоянно действующий публичный театр, на чьи спектакли (за неимением пока русского театра) валом валили москвичи; а те, кто не мог заплатить за вход в него, брали двери приступом. И очень может быть, что и Федор Волков со своим другом Николаем Мотонисом, проживавшим, кстати, на Мясницкой улице, совсем недалеко от Немецкой комедии (построенной на Новой Басманной улице), бывали свидетелями следующих сцен, разыгранных отнюдь не актерами, а теми, кто остался за стены театра: «Сего февраля 4 дня во время немецкой комедии, что у Красных ворот, от боярских людей, бывших на оной с господами своими, учинилась великая прорвость, ссора и драка. И допросом разных помещиков людей, приличившихся в том, показалось: вначале один боярский человек поссорился с караульным сержантом в том, что оного человека не пустили в комедию без денег. А после тот человек привел с собою боярских же людей и стали приступать к часовым...»

Подобные случаи, несмотря на то, что «озорников» наказывали «плетью нещадно», повторялись очень часто, и властям становилось все очевиднее, что нужен свой русский «порядочный» (т. е. профессиональный, регулярный) театр. Впрочем, Федору Волкову это было ясно уже давно. Не случайно он водил дружбу и знакомство с театральными любителями из приказных, семинаристов и «школьников», устраивавшими те самые «игрища». В декабре 1749 года московские «охотники», наконец, рискнули объявить официально, что желают во время святок «играть Российской комедии».

Именно в это время молодой заводчик Федор Григорьевич Волков («он же Полушкин») окончательно возвращается в Ярославль и, получив после умершего отчима в управление серные и купоросные заводы, обретя самостоятельность, организует здесь свою труппу «охотников» из посадской молодежи. С этой труппой Федора Волкова с братьями Гаврилою и Григорием вызвали в январе 1752 года в Петербург ко двору.

С этого момента жизнь Волкова пошла совсем по другой колее. Вернее, она помчалась в бе-

А. ЛОСЕНКО. Портрет Ф. ВОЛКОВА.
Х. м. 1763. Русский музей.

шеном вихре: мелькали лица, места действия, ситуации и роли. Около года он пробыл в северной столице, посещая теперь не только публичный немецкий театр, но и придворные итальянские оперы, балеты, интермеди, французские комедии. Иногда удавалось попасть на концерты и спектакли и в частные дома. В декабре 1752 года более чем на год он едет с придворным театром в любимую им первопрестольную, где играет уже не с полупрофессиональными «охотниками», а поет «разные оперные арии и итальянские арии». В марте 1754-го Федора с братом Григорием возвращают в Санкт-Петербург и отдают на обучение в кадетский корпус. Там он «упражнялся более в чтении полезных книг для его искусства», переводил, рисовал, танцевал, фехтовали «играл на клавикортах...»

Наконец, 30 августа 1756 года императрица Елизавета Петровна повелела «учредить русский для представления трагедий и комедий театр», в котором Федор Григорьевич занял место первого актера и играл «одинаково сильно в трагедиях и комедиях». Вместе с тем, современники отмечали, что «его истинной стихией была страсть».

Эта страсть завлекала его многогранную натуру в разные области, он был «изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах», а также скульптор и резчик по дереву. «Он мог бы быть человеком государственным», - обронил о нем Д. И. Фонвизин. Мы теперь имеем подтверждения тому, что Ф. Г. Волков был не просто участником дворцового переворота 1762 года, за который ратовали многие лучшие умы тогдашней России, но находился в самом ядре его. Он со своей страстью отдался этой роли на политической сцене, но как только сыграл ее - перешел к новой на театре уже настоящему и завершил свою жизнь актера, создав невиданное общенародное зрелище - маскарад «Торжествующая Минерва».

Вот именно такой зрелый мастер и зрелый муж Федор Григорьевич смотрит на нас с портрета А. П. Лосенко. Волков запечатлен в лучшую пору его жизни, прожитой с высшим смыслом, но внезапно оборвавшейся на самой высокой и прекрасной ноте.

Л. СТАРИКОВА.
г. Москва.

Первый русский профессиональный театр сегодня (г. Ярославль).